

15.1.2000

Лановас Василий

Мир за неделю. — 2000. — 15-22
январь. — с. 10

Василий ЛАНОВОЙ:

Павку Корчагина я играл, как Христа

Нина КАТАЕВА
Гудок. Подписной индекс 50019

На этой неделе любимец российских женщин и офицеров отметил день рождения. Уверена, неодинаковы будут ответы кинозрителей на вопрос, какую роль народного артиста СССР Василия Ланового они считают главной. Вронский в «Анне Карениной», Курагин в «Войне и мире», капитан Грэй в «Алых парусах» — скажут поклонники его романтической красоты. Любители актуальной социологии на экране вспомнят «Аттестат зрелости», «Иду на грозу», «Коллег». Павку Корчагина назовут те, для кого кинообраз важен не просто как символ времени, но еще и как эталон, с которого можно «делать жизнь». Недавно Василий Лановой сыграл императора Александра I в фильме Игоря и Дмитрия Таланкиных «Незримый путешественник». А в Театре Вахтангова, в котором служит долгие годы, артист занят новой ролью в спектакле «Посвящение Еве» по пьесе Эрика Шмитта.

— Василий Семенович, блеск вашей карьере задал образ Павки Корчагина, стойческого носи-

теля идеи. Расскажите, как он появился?

— Достаточно случайно, как и все в этой жизни. Книгу «Як гуртовалась сталь» Микола Островского нам впервые прочитал учитель — подпольно в 1941 году на оккупированной Украине. С тех пор я и загорелся этим образом. Очень хотелось сыграть. И когда пришел на пробы к Алову и Наумову, режиссеры хором воскликнули: «Ну вот оно!».

Надо сказать, что они своеобразно снимали Павку. Все время твердили фразу Андре Жида, который в 34-м навещил больного Островского и, выйдя от него, произнес: «Это ваш коммунистический Иисус Христос». Режиссеры говорят: «Вася, вот и играй Христа».

Когда картина пошла, многие критиковали меня за «святость» Павки. А меня это радовало — значит все получилось. Мы ведь и снимали максималиста, человека идеи.

— Роль Александра I, конечно, тоже полна философского смысла?

— За основу сценария, написанного Игорем Таланкиным, взяты три последних дня жизни императора в Таганроге. Умер он, как считается, 19 декабря 1925 года. Но

существует легенда, что Александр остался жив, а в Петербурге похоронили солдата, очень на него похожего. Лет через десять в Сибири обнаружился удивительный старец Федор Кузьмич, проживший еще долгие годы. Эта версия и интерпретируется в сценарии.

Так вот, в эти три дня русский царь пытается осмыслить прожитую жизнь и видит, как много из задуманного не сделано. Вступая на престол 11 марта 1801 года, после смерти Павла I, император был увлечен демократическими проектами, намеревался ввести в России конституцию.

— А каково ваше отношение к нынешним преобразованиям? К раскрепошению нравов, например. Ведь вы в советском кино были чем-то вроде секс-символа?

— «Что вы, старики, понимаете в сексе?! Вот мы кое-что в этом рубим», — приходилось мне вести и такие разговоры с молодыми. Когда человек заводит пространно-фривольные речи о сексе, не все в порядке у него на этом фронте, это — первый признак. Говорю вам как секс-символ.

Испокон веков религия советовала молчать об интимном. Как можно говорить о секрете? Какой же он тогда секрет?! Публичность

здесь неуместна. А сколько раз приходилось видеть, как молодые люди, видя настроенную на них камеру в церкви, начинают истово креститься. Какой ужас.

Большое облегчение в этом смысле — мои студенты в Щукинском. Я стараюсь приобщить их к поэзии Баратынского, Языкова, Тютчева и с удовольствием замечаю нравственный рост в моих воспитанниках. В этом для меня залог того, что не порвется связь времен. Вспомните слова чеховского Астрова: вырождение нации начинается с косности и невежества.

— Вы много ездите по России. Отличаются ли умонастроения людей в провинции от московских?

— О да, и еще как! Чем дальше от Москвы, тем больше здоровых людей. В особенности молодежи. Был, помню, на 60-летию Северодвинска. Живут там во много раз хуже, чем в Москве, но какой огонек в глазах! В общем, убежден, что здоровье нации будет прирастать провинцией.

На Севере, на Дальнем Востоке, в Сибири, на Урале везде люди воспринимают столицу как какое-то чужное место — в абсолютном отчуждении от остальных. Боюсь, что мы живем на вулкане.

— Василий Семенович, свою новую театральную работу в «Посвящении Еве» вы сравниваете не иначе, как с ролью Цезаря. Почему?

— Потому что в пьесе Эрика Шмитта, написанной по канонам западной драматургии, находишь богатый аналитический материал. Образом ее героя — Нобелевского лауреата писателя Абеля Знорко — точно выражено самочувствование человека конца XX века: с его гипертрофированным индивидуалистическим сознанием, агрессивностью, отсутствием духовной гармонии и некоммуникабельностью. Все эти ощущения, сплавляясь, порождают в нем страх — за себя, за свою работу, за жизнь вообще.

И это тот двигатель, который заставляет моего героя бежать от мира, уединившись в стеклянной башне своих представлений о жизни. Когда башня рушится — герой узнает, что любимая женщина его умерла 10 лет назад и все письмо от нее на протяжении этих лет не более как мистификация, он понимает, что жизнь прожита зря.

События в пьесе происходят в начале века, но накладывается на современность она идеально. Поскольку мало что изменилось в человеке за это время...